

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	10
Мир может быть пугающим местом	10
Личная заинтересованность: мой интерес к травме длиною в жизнь	13
Как мы реагируем на травму	21
Застревание в травме	21
Возвращение к норме	23
Преодоление травмы	25
Как работать с этой книгой	28
Книга для нашего времени	31

Часть I

ПОНИМАНИЕ

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА

Глава 1. ОСНОВЫ	35
Предыдущие модели ПТР	38
Пятиэтапная модель ПТР	40
Посттравматический рост	42
Пять этапов: дорога в новую реальность	43
Глава 2. ТРАВМА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ	49
Многоликая травма	54
Травма всегда отношенческая	57
Задолго до того, как у ПТСР появилось имя	60
ПТСР и не только	62
Субъективный опыт травмы	66
Замаскированная травма	70
Травма и типы привязанности	74

Неоднозначная потеря и травма	76
Физическое отсутствие (при психологическом присутствии)	77
Физическое присутствие (при психологическом и эмоциональном отсутствии).	78
И то и другое понемногу	79
Стресс или травма?	80
Что происходит внутри?	81
От травмы к росту	88
Глава 3. ЧТО ТАКОЕ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ РОСТ? . . . 90	
Определение.	95
Коллективный рост	101
Викарный, или вторичный, посттравматический рост	104
Развенчание мифов	105
От травмы к росту: парадокс	112
Единицы измерения посттравматического роста	116
Благодарность жизни	117
Личная сила.	118
Отношения с другими людьми	119
Новые возможности	121
Духовные перемены.	122
Дорога к росту.	123
Глава 4. ПЕРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ	124
Жизнестойкость: обоюдоострый меч	127
Парадокс жизнестойкости	134
«Я»	139
«Другой»	145
«Мир»	154

Глава 5. ТРАВМА ПО НАСЛЕДСТВУ	160
Травма заразна: цепная реакция	162
Горизонтальное заражение травмой	163
Вертикальное заражение травмой	166
Унаследованные модели поведения	175
Наследие предков	179
Открытие эпигенетики	182
Надежда нейропластичности	187
Межпоколенческий рост	188
Глава 6. ОТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ К КОЛЛЕКТИВНОМУ РОСТУ	193
Микроагрессия, невидимые раны и моральные травмы	199
От травмы к исцелению	205
Препятствия на пути к исцелению	215
Восстановление коллективных связей	221
От коллективного исцеления к коллективному росту	223

Часть II

СКВОЗЬ ЭТАПЫ

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА

Глава 7. ЭТАП ОСОЗНАННОСТИ: РАДИКАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ	235
Распознать боль	240
Радикальное признание — это тяжелый процесс	244
Что происходит внутри?	245
Как работать с радикальным принятием	247

Глава 8. ЭТАП ПРОБУЖДЕНИЯ:	
БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА	254
Найти поддержку	257
Что происходит внутри?	263
Как работать с безопасностью и защитой.	268
Глава 9. ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ:	
НОВЫЕ ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ	283
Не для всех	286
Перестроить и перепридумать	287
Что происходит внутри?	292
Достижение согласованности	299
Возможности неисчерпаемы	308
Формирование новой системы убеждений	310
Написание новой личной истории	311
Глава 10. ЭТАП СУЩЕСТВОВАНИЯ:	
ИНТЕГРАЦИЯ	317
Старый мир встречается с новым	319
Что происходит внутри?	322
Целое из осколков	325
Собираем осколки	326
Дары нашей души.	329
Глава 11. ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ:	
МУДРОСТЬ И РОСТ.	334
Что происходит на этапе мудрости и роста?	338
Феномен, основанный на научном подходе.	339
Пять столпов	341
Благодарность жизни	343
Личная сила.	346
Значимые отношения	350
Духовность	355

Чувство значимости и цели	364
Что дальше?	374
Глава 12. НЕ ОПУСКАТЬ РУКИ	376
Поддерживающие факторы	378
Осознанное обдумывание	379
Эмоциональный интеллект	381
Открытость, гибкость и адаптивность	383
Новообретенная стойкость	385
Поддержание духовной осознанности	386
Семья, сообщество и чувство принадлежности	389
Служение и польза	394
Опросник посттравматического роста	397
Где найти шкалу?	399
Опросник посттравматического роста (ОПТР)	400
Психологическое благополучие: опросник посттравматических изменений	401
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	404
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	411

ВВЕДЕНИЕ

Мир может быть пугающим местом

Травма всегда была частью человеческого опыта.

Не нужно далеко ходить, чтобы увидеть страдания в мировом масштабе: достаточно включить новости, где вам покажут геноцид, преступления на почве ненависти, террористические атаки, войны и стихийные бедствия. Согласно статистике, болезненный опыт живет в наших собственных домах: каждый пятый ребенок подвергается растлению; каждый четвертый — растет с родителем-алкоголиком; каждая четвертая женщина подвергалась физическому насилию со стороны романтического партнера.

Заголовки газет пестрят новостями о микроагрессии, связанной с расовым неравенством, религиозной нетерпимостью и полом. Страх и беспорядки на улицах создают раскол внутри общин, а возросшая жестокость со стороны полиции, рост числа самоубийств и случаев домашнего насилия только подливают масла в огонь. И как будто нам этого мало, чтобы поставить под сомнение безопасность мира, в котором мы живем, — пришел вирус COVID-19, всемирная пандемия, перевернувшая все с ног на го-

лову и оставившая людей с чувством страха и одиночества.

И неудивительно. Многие потеряли работу, в то время как работа других подвергала их риску заболеть или умереть. Распорядок дня перестал иметь какое-либо значение, люди задались вопросом, вернется ли все когда-нибудь в нормальное русло. Миллионы людей на некоторое время были изолированы от семьи и друзей, что лишь усугубляло их страдания. Пандемия затронула глубоко укоренившиеся *коллективные* раны одиночества. А коллективная травма — это наша тихая, непризнанная эпидемия.

Все вышеперечисленное является **травмой**. Как бы нам ни хотелось, чтобы было иначе, но травма неизбежна, благодаря ей мы чувствуем себя живыми, это часть жизни. Это чувство, возникающее в результате некоего события, ощущение, будто мир рухнул и теперь представляет собой опасное, непредсказуемое место, а в конце пресловутого туннеля нет никакого света. Все, что мы считали правдой, больше не имеет смысла, и мы остаемся с изнуряющим чувством безнадежности и растерянности, и часто мы обзаводимся проблемами физического и психического здоровья, которые остаются с нами до конца жизни. Неудивительно, что люди хотят знать, как избежать травмы или, по крайней мере, быстро оправиться от боли. Они хотят знать, как развить в себе жизнестойкость, чтобы как можно быстрее вернуться к жизни, ко-

торая у них была до трагедии; им хочется понять, как оградить себя и тех, кого они любят, от будущих страданий. Позже в книге я расскажу о том, почему жизнестойкость может стать препятствием на пути посттравматического роста.

Если травма действительно разрушает наши глубочайшие представления о мире и нашем месте в нем, можно ли вообще вырасти на такой почве? Действительно ли травма может стать катализатором положительных изменений? И как так выходит, что некоторые люди могут пережить ужасный опыт и годами страдать от боли, едва ли способные функционировать, в то время как другие, *пережившие то же самое травмирующее событие*, не только преодолеют его, но и даже сделают свою жизнь лучше — не вопреки своему опыту, а благодаря ему? В этом **парадокс травмы**: она обладает как способностью разрушать, так и способностью трансформировать.

Этот парадокс и подпитал мое желание работать клиническим психологом, которым я являюсь уже больше 20 лет. Кому-то может показаться неуважительным или даже неверным настаивать на том, что рост и трансформация могут возникнуть из ужасающей трагедии. И все же это возможно. Я вновь и вновь становлюсь свидетелем подобного опыта, работая с людьми, которые пострадали от неудачной любви и потери близких, домашнего насилия и катастрофических заболеваний; я наблюдала этот эффект в сообществах,

переживших худший опыт: пытки, разрушительные последствия войн, глобальные пандемии, безжалостный расизм, насилие и серьезные разрушения в результате стихийных бедствий. И я знала, что травма так работает, задолго до того, как стала клиническим психологом.

Личная заинтересованность: мой интерес к травме длиною в жизнь

Мое увлечение вопросами травмы началось еще в детстве и носит глубоко личный характер. Каждое поколение моей семьи с обеих сторон сильно пострадало от травм. Мои бабушка с дедушкой пережили холокост и были единственными членами своих семей, выбравшимися живыми из нацистских лагерей смерти. Я также внучка сирийских беженцев, которые покинули родную страну и прошли пешком от Алеппо до Израиля с шестью маленькими детьми. Моя бабушка тогда была беременна и родила в горах при Блудане, у нее не было другого выбора, кроме как продолжать путь дальше. Я дочь еврейских иммигрантов, которые бежали от политических, религиозных и социальных преследований и добрались до Южной Америки. Я стала одной из немногих евреек в Венесуэле, а позже иммигранткой из латиноамериканского меньшинства, приехавшей на учебу и работу в Соединенные Штаты. Я на собственном

опыте испытала влияние миграции и многонациональных условий. Я знаю, каково это — подвергаться дискриминации в своем собственном районе и городе. Это тоже травмирует.

Опыт моих бабушки и дедушки по материнской линии, которых я с детства ласково называла Наной и Лалу, сыграл особую роль в моем интересе к сложностям травмы и в конечном счете дал дорогу моим исследованиям и клинической практике. Нана и Лалу родились в Трансильвании (сейчас — Румыния). Нана была единственным ребенком в бедной семье и жила в городе Орадя. Ее отец был игроком, а мать пыталась свести концы с концами, занимаясь шитьем и перебиваясь случайными заработками. Нана чувствовала себя ужасно одинокой и находила утешение в чтении книг, музыке и рисовании. Во время войны Нану и ее родителей перевезли в Освенцим, где быстро разлучили. Больше она их не видела.

Нана сильно страдала в концентрационных лагерях, подвергаясь ужасающим издевательствам со стороны надзирателей. В конце концов ей удалось сбежать, и она пешком добралась до общины, в которой обосновалось несколько выживших. Там она познакомилась с моим дедушкой и родила мою мать.

Лалу вырос в деревне Красна. Его семья была более финансово стабильной: отец был лидером еврейской общины в деревне, и Лалу запомнил детство

как относительно счастливое и беззаботное время, наполненное множеством приключений и хорошими друзьями. Конечно, все изменилось, когда пришли солдаты и забрали их в концентрационные лагеря. Лалу — единственный из своей семьи, кто пережил ту бойню.

Коммунизм и непрекращающиеся преследования евреев вынудили Нану и Лалу бежать из Румынии вместе со своими двумя дочерьми и в конце концов перебраться в Венесуэлу, где они присоединились к одному из своих членов семьи. Семья моего отца тем временем покинула Израиль и также иммигрировала в Венесуэлу. Именно там встретились моя мать и отец, там же родилась я, второе поколение в семье, пережившей холокост, и дочь сирийского беженца.

Проведя все детство среди иммигрантов в Венесуэле, я знала людей, которые, казалось, застряли в собственной травме. Некоторые так и остались оцепеневшими, отключенными от реальности, едва способными функционировать. Другие держались молодцом внешне, но внутри себя боролись с глубокой депрессией, которая изматывала их. Среди последних оказалась моя бабушка.

Внешне Нана была красива. Статная, владеющая собой женщина с блестящим, творческим умом, она говорила на нескольких языках, проводила большую часть